

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ

НЕСТИК Тимофей Александрович - кандидат философских наук, старший научный со-

Глобализация, разрыв между традиционным и постмодерным отношением к времени, утрата веры в прогресс, в линейность истории поставили задачу возвращения человеку отчужденного от него времени, исторического оптимизма, выработки новых культурных навыков - умения не противопоставлять друг другу этно-культурные и социально-политические концепции времени. В российских условиях эта проблема особенно остра. Дезориентация общества начала 1990-х вылилась в оценки настоящего как "смутного времени". Представления о прошлом и будущем служат идентификации: для одних они выступают объектами компенсаторных проекций, для других - связанным временем [1,2, 3]. Различия временной ориентации, образов времени, толкования анахроничности и современности между группами российского общества затрудняют преодоление аномии, формирование ценностей и социальных норм. Изменение ценностей в нашем обществе поставило задачу согласования представлений социальных групп о прошлом, настоящем и будущем [4, 5, 6]. Это актуализирует изучение групповых представлений о времени.

Я рассмотрю пути построения образа времени в культуре, опираясь на теоретические положения социологии и культурной антропологии времени на примере конструирования образа "настоящего". В основу положен тезис: *возникновение и развитие представлений о времени в культуре вызвано необходимостью синхронизации деятельности индивида и человеческого сообщества в изменяющемся мире*. Речь пойдет о конструировании отношения одновременности в социальном взаимодействии и структуре представлений о времени.

"Социальность" настоящего. В общественных науках отношения предшествования, следования и одновременности действий, социальных явлений и процессов получили название *"социального времени"*. По П. Сорокину и Р. Мертону, социальное время - выражение "изменения или движения одних социальных явлений по отношению к другим социальным явлениям, взятым в качестве точки отсчета" [7, р. 618]. У Ж. Гурвича это "время совпадения и рассогласования движений целостных социальных явлений, которые могут быть глобальными, групповыми и микросоциальными, независимо от того, выражены они в социальной структуре, или нет" [8]. К социальному времени можно отнести не только объективную его составляющую, но и *социальные представления о времени - общепринятые* социальной группой представления о временных отношениях между культурно значимыми процессами и явлениями, закрепляемые и воспроизводимые культурными кодами в актах коммуникации.

Э. Дюркгейм писал, что категория времени отображает ритмы деятельности социальной группы; представление о времени - это представление о социальном времени, *общем* для данного сообщества людей [9]. Наибольшее влияние на современную социологическую мысль о времени оказал Дж.Г. Мид. Согласно Миду, общество возможно потому, что люди способны устанавливать общность временных перспектив. Предметы физического мира и животные находятся в том или ином отношении к окружающей среде. Но лишь человек при помощи символической коммуникации разделяет перспективы (отношения) других, принимает на себя их пространство и время. Под

перспективой он, в духе Лейбница, понимает восприятие в одном событии всех остальных {10, р. 164; 11, р. 344}. "Нахождение объекта в одной системе предполагает его пребывание во многих других. Это то, что я называю *социальностью настоящего*⁴⁴, - пишет Мид [10, р. 63]. Интерсубъективность, обмен социальными ролями возможны благодаря способности вступать во временные (событийные) ряды людей и групп. Сама социальность есть способность находиться одновременно в нескольких отношениях к миру, быть несколькими вещами [10, р. 49]. Таким образом, культура и человек - это состояние одновременности, в котором согласовано множество временных перспектив. Будущее и прошлое возникают в ходе коммуникации, превращающей индивидуальное настоящее в иерархию множества систем отсчета. Человеческое настоящее у Мида - не момент, а длящееся целое: это перспектива, в которой мы "прядем" свое время. Из настоящего мы строим и перестраиваем наши прошлое и будущее, здесь они обретают уникальность [12, pp. 332, 335]. Эта перспектива постоянно "открывается", чревата новой самоидентификацией личности. Синхронизация временных перспектив индивидов осуществляется при помощи принятой системы координат (календаря, часов и т.д.). Воспроизводство коллективных представлений о времени происходит вместе с социализацией ребенка, т.е. с обучением смотреть на себя глазами обобщенного Другого, "В процессе коммуникации индивид должен стать другим прежде, чем становится собой... И тогда индивид способен стать обобщенным Другим, относясь к себе через отношение группы или сообщества. Так он становится определенным Я по отношению к социальному целому, частью которого он является. Это и есть общая перспектива" [10, р. 168]. Подтверждение избранной системы отсчета другими "наблюдателями" - основа индивидуальности личности и события: постоянство, неизменность не даны изначально, они конструируются для координации действий членов общества [12, pp. 340-341]. Выбор возможен благодаря относительности времени, неограниченности возможных временных порядков. Перспектива, избранная индивидом, объективируется тогда, когда совпадает с перспективой целого [10, pp. 174-175].

В феноменологии А. Шюца переживание времени людьми имеет много общего, сближает жизненный мир, который они создают, соотнося себя друг с другом. Время жизненного мира строится на пересечении времени человека с биологическим и социальным временем. Каждому доступно переживание времени как "мирового" и "принуждающего". Повседневно соотнося себя с другими, осознаешь "мировое" время как длительность, превосходящую "мое" время: я умру, а мир будет существовать [13, S. 62]. Кроме того, человек сталкивается с принуждающей силой времени через существование в биологических, социальных временных порядках и невозможностью их полного согласования. Мы вынуждены жить по принципу "сначала то, что нельзя отложить" [13, S. 64].

Конструирование "своего" времени основано на ряде идеализации, одни из которых позволяют удерживать целостность Я во времени, другие - встраивать себя в общую временную перспективу. К первым относится идеализация "и так далее", или "я могу снова и снова", позволяющие представлять наше "здесь" (сейчас) как наше "там" ("как и раньше", "как будет потом") [13, S. 66-67]. Пользуясь этой идеализацией, мы поддерживаем непрерывность жизни и своего субъективного времени.

Шюц полагает, что внутреннее время невозможно разбить на равные отрезки. Его единицы - последовательности *res cogitans*, а не *res extema*. Наш опыт не имеет линейной структуры. Осознавая его, мы организуем его монотетически, выбирая при ретроспекции один способ прочтения. Мы схватываем вниманием отдельные пространственно-временные целостности (события, переживания, мысли), связывая их друг с другом (13, S. 66-70). Так, наша автобиография строится из истории наших попыток схватить и познать ее в определенном порядке, натягивая на события и переживания биографические категории, разделяемые сообществом: возрастные стадии, жизненные траектории и т.п. [13, S. 71-73].

Положения А. Шюца применимы к истории. Она состоит из событий, чья хронология мало говорит об их отношениях и значении. Поскольку события, происходящие одновременно, по сути асинхронны, нельзя говорить об историческом процессе как гомогенном потоке [14, с. 654]. На этот факт обратил внимание Г. Зиммель; временное единство явления или события легко распадается на ряды, состоящие из "до" и "после". Одновременность всегда символична, она конструируется культурой, чтобы придать длительности исторический смысл [15, с. 524, 528-529]. Шюц интерпретировал проблему человеческого взаимопонимания как проблему современности людей: понять друг друга - значит установить между потоками сознаний отношение одновременности. Человек А не способен точно "прочитать" смысл поступков Б, поскольку тот исходит из иной временной перспективы. Из чужого потока сознания можно выхватить фрагмент, но схватить его непрерывность нельзя. Познание Другого всегда неполно [16, S. 20, 143-145, 148].

Отсюда еще одно фундаментальное положение - о взаимности перспектив [13, S. 74]. Оно объединяет две идеализации, через которые повседневное мышление преодолевает различия индивидуальных перспектив и встраивает их в общую перспективу: взаимозаменяемости точек зрения и совпадения системы релевантностей [13, S. 73-75; 17]. С точки зрения Шюца, непосредственное познание нами Другого осуществляется через синхронизацию потоков сознания и содержательное их сближение [13, S. 76-77]. С людьми нашего ближнего круга взаимодействия (с кем у нас, по Шюцу, Мы-отношение) мы устанавливаем непосредственную одновременность: говорим друг с другом, меняемся во времени на глазах друг у друга.

Опосредованное познание Другого основано на приписывании ему одновременности как "ярлыка". Поэтому не переживаемый непосредственно нами социальный мир состоит из современников [13, S. 81], сотоварищей по эпохе - людей, находящихся за рамками нашей телесности. Только их стереотипизация дает нам одновременность с ними. Опосредованность их опытного познания позволяет нам мыслить настоящее как набор типов, которым мы приписываем атрибуты, функции и поведение (типичный почтальон, полицейский и т.д.) [13, S. 88-89]. Анонимных других мы превращаем в современников, предполагая, что они подобны нам. Мы не знаем их доподлинно - они не что иное, как в разной степени индивидуализированные обобщения. Итак, по Шюцу, *эта современность есть сконструированная нами типичность, понятность Другого.*

Нормативность временных представлений. Согласимся с Т. Лукманом, что *синхронизация - это не только установление отношения реальной или воображаемой одновременности между людьми, но и подобие тех мыслительных конструкций, в которых они осмысляют и оценивают время* - социально объективированных, "готовых" временных категорий и систем отсчета времени [17, р. 157]. Главными он считает "биографические схемы" - формулы обязательного или возможного жизненного пути. Биографические схемы проявляются в повседневности в виде сплетен, анекдотов и житейских историй, в переписке. На высоком уровне они встраиваются в литературу, политические речи и законы. Эти схемы описывают и предписывают определенную последовательность жизненных стадий, ролей и действий, скорость их прохождения, с их помощью культура, наука, политика задают "нормальное" видение прошлого, настоящего, будущего, образы времени. Главная функция биографических схем - синхронизация перспектив индивидов через включение их во временной горизонт [17; 18, pp. 161-164].

Включенность социальных длительностей друг в друга и соподчиненность ритмов поддерживает целостность личности во времени. Иллюзия непрерывности и предсказуемости нашего перемещения в социуме предполагает наличие правил, которые позволяли бы индивиду избегать конфликта между временными порядками. Социальное время аксионормативно. Исходя из этого предположения, Р. Мертон называет социальные нормы, определяющие "временной компонент" структур и отношений, "социально ожидаемыми длительностями" [19]. Эти нормативы определяют длитель-

ность процессов в обществе, их ритм, скорость, моменты принятия социальных статусов, ролей [20]. Нормативную функцию временных представлений выделяют другие социологи: "рамки социальной памяти" М. Хальбвакс [18]; "карьерные схемы" Дж. Льюис и Э. Вейгарт [21]; "биографические схемы" Т. Лукман [17]; "нормализующие биографические траектории" П. Бурдые [22]; "нормы жизненных переходов" Т. Харевен [23]. Совокупность их можно назвать "нормативной темпоральной картиной мира" [24]. Они воплощают отношение группы к тому, как заполняется и расходуется время, к своевременности и уместности происходящего, указывают, какие изменения в мире могут (должны) происходить, фиксируют отклонения от "темпоральной нормы".

Временные представления усваиваются в школах. Преобладание ньютоновской концепции времени в европейском сознании невозможно объяснить ее удобством для физики и математики и ростом прецизионности в отношении времени. Важнее культурная функция, которую данная концепция успешно реализует: идея управляемого однородного общества (как и представление об универсальной природе, единстве человечества) нуждалась в синхронизации временных перспектив, создании образа настоящего, распространяющегося на всех людей и народы [25]. Кроме того, хронологизация жизни в эпоху модерна ведет к стандарту "нормальной жизни" в массовом обществе [26].

Распространение единой системы счета времени предполагает централизацию власти. Утверждение стандарта времени для всего общества связано с насилием. Об этом свидетельствует опыт России: попытки радикально изменить социальное время в соответствии с идеологией сопровождаются переписыванием истории, принудительной унификацией представлений о будущем. На роль отношений господства в нормализации временных перспектив обратил внимание М. Вебер [27]. Последовательно насилие и социальное время связал М. Фуко, введя понятие "дисциплинарного пространства", одна из форм которого - контроль над субъективным и социальным временем. Дисциплинирование тела и души в Новое время происходит через распорядок дня (монастыри, армия, тюрьмы, школа) и детализацию действий во времени (муштра солдат, производство, конвейеры) [28].

По П. Бурдые общество обладает институтами принудительной нормализации и тотализации биографических схем (семья, школа, институт, работа) [22; 29]. Тотализация делает описания времени жизни понятными всем. Она навязывает (через характеристики, *curriculi vitae*, интервью) важные обществу биографические критерии, другие - устраняет. На каждой фазе жизненной траектории мы подвергаемся нормализующему взгляду.

Тотализация перспектив - механизм поддержки представлений о времени в той или иной культуре. Об их идеологическом характере свидетельствует факт, что *"вменяемый" индивиду образ времени не является прямым отражением объективной организации общества во времени, он лишь один из сосуществующих в обществе систем временных представлений.* В капиталистическом обществе действительное время - это череда катастроф, революций и разрывов исторической ткани, но его воображаемое время гомогенно в виде прогресса и накопления [30; 31]. Такое "выравнивание" переживаний времени создает иллюзию, что в обществе нет диалога между субъективными временными перспективами, что время всегда одно и то же и задано извне - достаточно следовать схемам, планам и графикам, закрепленным в институтах [32]. С этой точки зрения, *мы находимся в одном и том же времени потому, что нам предъявляют одни и те же требования, регулирующие своевременность наших действий и мыслей на данном этапе нашей деятельности и жизни в целом.*

Коммуникативный подход к анализу временных представлений. Объединяющие нас нормы времени можно представить как культурную память, содержащую представления о времени, которые помогают людям соотнести индивидуальные временные перспективы в актах коммуникации. Благодаря им мы принимаем наше общее "настоящее" за данность, в действительности выстраивая его, влияя друг на друга.

Во-первых, с точки зрения хрономеханики, - области теории коммуникации, изучающей временную структуру общения [32; 33], - мы соотносим себя во времени, подстраиваясь под темп, длительность высказываний и пауз друг друга. Можно согласиться с авторами работы по социальной психологии времени Дж. МакГрейтом и Дж. Келли, которые вводят понятие синхронизации циклов межличностного взаимодействия - механизма формирования социального времени. В их интерпретации, это подстраивание (взаимное, одностороннее) объективных ритмов деятельности индивидов и группы, за которым следуют выравнивание, уподобление субъективных представлений о времени [34; 35]. Во-вторых, нам помогает "точка отсчета", или "центр временного действия" [36; 37], которую можно поместить и в настоящее, и в прошлое и будущее. Она задается глагольными и именными показателями времени, которые ориентируют событие, действие или обладание свойством во времени относительно определенного момента или интервала [38]. В социологии понятие "точка отсчета" не нашло применения, однако из исследований видно, что счет времени основан на синхронизации событий с весомыми для личности, группы переживаниями [39, p. 103]. В широком смысле, точка отсчета - набор событий субъективного, социального и физического мира, служащий человеку ориентирами во времени [40]. Хотя наши временные горизонты никогда не совпадают полностью в акте коммуникации, посредством общих языкового кода и знаний нам удастся отыскать "область пересечения"¹¹. В-третьих, синхронизация проходит через включение других в жизненные истории. Для ответа на вопрос, "кто я", следует сначала ответить на вопрос, "частью какой истории или историй я являюсь". То, что Мид назвал перспективой, К. Джерджен и исследователи социальной психологии дискурса называют "Я-нарративом" ("временной траекторией", "хронотопом"). По их мнению, мы объединяем свое время с временем других через включенность их в рассказы о своем прошлом, настоящем и будущем, а также через использование характерного для социальной группы "набора нарративов" [41, pp. 193-199]. Так наша идентичность переплетается с множеством других [41, pp. 207-209].

Мы можем синхронизировать или десинхронизировать себя с другими, уподобить свою и чужую перспективу или противопоставить их, применяя дискурсивные стратегии. Можно выделить стратегии: 1) синхронизации и десинхронизации; 2) поддержания временной определенности/неопределенности (порядка и длительности); 3) временной иерархизации (включение краткосрочной перспективы в долгосрочную) и драматизации (сведение социально-исторических событий до обыденного, сакрального времени и профанного казуса). Каждая из этих стратегий строится из набора фигур и клише ("Все нам предстоит пройти через это", "Для меня это уже в прошлом", "Сейчас или никогда", "Как-нибудь в другой раз" и т.п.), предполагая тезаурус временных категорий и метафор.

Сформулированные Шюцем идеализации взаимозаменяемости точек зрения и совпадения системы релевантностей позволяют верить, что как "современники" мы способны понять друг друга. В действительности, эти идеализации - результат успешных/неуспешных попыток нащупать область пересечения наших временных горизонтов. Формирующийся методом проб и ошибок общий код становится фильтром прочтения увиденного, значимости события, возможности его описания как "моего", "нашего", исторического опыта. Изменение кода коммуникации меняет набор объектов, выделяемых как прошлое, настоящее, будущее [42]. Хальбвакс назвал этот код "рамками социальной памяти": в них люди вписывают субъективный опыт и переживание времени. Это реперные точки, по которым мы локализуем воспоминания [18, p. 380]. Они конституируются в семье, религиозном сообществе, социальном классе [18, p. 382]. Антрополог Ф. Барт выступил с гипотезой о распределенной (частичной) культурной памяти: каждый индивид, каждая группа (семья, клан, фратрия, класс), составляющие единое сообщество, помнят свое. Ритуал "собирает", "нормализует" память, фиксируя представления, и тем самым определяет восприятие новой информации [43]. Т.е. не только ретроспективы, но и перспективы сливаются в общее видение, чтобы сохранить единство сообщества в прошлом, настоящем и буду-

щем. Так, устойчивый и меняющийся набор ориентиров позволяет индивидам на собственном коммуникативном опыте убеждаться, что они находятся в одном и том же времени.

Репрезентация времени в индивидуальном и групповом сознании: попытка систематизации. Современность означает не только встраивание индивидов во временную структуру друг друга, но и согласование временных перспектив на всех уровнях репрезентации времени. 1. На уровне биологических ритмов: через подобие своего тела другим человеческим телам мы воспринимаем его ритмы как единые для всех. 2. На уровне внутреннего, субъективного переживания времени: согласование механизмов, определяющих восприятие длительности; соотнесение временных перспектив; за счет рефлексии над переживанием времени на базе языковых категорий и образов, имеющих социальное происхождение и разделяемых коммуникантами. 3. На уровне межличностного времени: принятие норм, регулирующих длительность, последовательность и темп взаимодействия, использование дискурсивных стратегий, сближающих собеседников во времени. 4. На уровне институционального времени: вписывание себя в биографические и карьерные схемы, графики и календарное время, ориентацию на единые ориентиры при планировании времени. 5. На уровне культурного времени: общность представлений о природе времени, использование общих средств выражения и метафор времени, созданных в историографии, литературе, искусстве.

Эти уровни включены в формирование "временных перспектив", "временных представлений", "временных норм", "паттернов времени", объединяющих людей во времени. В социологии и социальной психологии этими понятиями пользуются, часто не проводя между ними границ, с нашей точки зрения, накопленные социальными науками знания позволяют предложить систему характеристик субъективной составляющей социального времени, которые могут быть эмпирически измерены на индивидуальном и на групповом уровнях. 1. Это социально-временная идентичность личности, 2. Это особенности отношения к времени, проявляющиеся в мышлении и поведении индивида, группы. 3. Это представления об объективных временных характеристиках социальных процессов и явлений, в которые включены индивид, группа. 4. Это нормы, регулирующие отношение к времени в группе, а также временную организацию деятельности. 5. Это социально-временные авто- и гетеростереотипы, представления о себе (Я, Мы) и о других (Другой, Они) с точки зрения включенности во временную структуру объективных социальных процессов и явлений, а также индивидуальных и групповых особенностей отношения к времени.

В литературе под временной идентификацией понимается осознание человеком групповой принадлежности через временные категории [44; 45]. Но символическая общность времени, отделяющая "Мы" от "Они", "Я" от "Другого", гораздо шире физической синхронности и представления об общности исторической судьбы. С нашей точки зрения, идентификация с сообществом предполагает неявное убеждение, что воображаемое "мы" - это те, кто находятся в одном и том же пространстве-времени и обладают одними и теми же свойствами отношения ко времени. Поэтому социально-временная идентификация - это уподобление личностью своих пространственно-временных характеристик групповым, сопровождающееся интериоризацией форм восприятия, переживания, осмысления и аллокации времени, которые обусловлены характером групповой деятельности, входят в автостереотип группы и значимы при межгрупповом взаимодействии. Она связана с процессами социальной категоризации и социального сравнения, с представлениями "Я (Мы) во времени" и "Другой (Они) во времени".

Вторым структурным элементом субъективного времени группы является отношение к времени. Оно определяется объективной временной структурой жизнедеятельности, индивидуально-психологическими чертами и особенностями социализации личности, требованием своевременности по отношению к группе: успевать за ходом групповых процессов и разделять групповые представления, нормы в отношении времени. Его можно представить как систему аффективных, когнитивных и поведенческих

ких особенностей переживания времени и распоряжения им. Среди компонентов *аффективных* два основных: 1. Знак отношения к времени; положительное, отрицательное, нейтральное отношение к времени, к отдельным его модусам (прошлому, настоящему, будущему); 2. Субъективная значимость времени для человека или группы, тревожность в связи с "ускользанием, бегом" времени, оценка скорости жизни; "чувство времени": ощущение того, быстро или медленно "течет" время, стоит ли оно на месте, или вовсе не существует. В этом ряду явлений и степень озабоченности конечностью жизни, смертью.

Когнитивные компоненты разнообразнее и труднее поддаются классификации. Мы выделяем временную перспективу, временную ориентацию и представления о природе времени. Во-первых, *содержание временной перспективы*, ведения человеком, сообществом своей жизни или истории из настоящего в прошлое и будущее. Это представление индивида о событийной структуре жизненного пути (Ш. Бюлер называла это "расписанием жизни") [См.: 46; 47-50], жизни социальных групп, к которым он себя относит. Различные направления социологии его называют жизненной историей, автобиографией, Я-нарративом, применительно к группе - событийной структурой группового нарратива, содержанием исторического сознания. Во-вторых, *глубина временной перспективы*, ее протяженность в прошлое и будущее: то, какого масштаба временными длительностями оперирует индивид или группа, насколько отдалены в прошлое значимые для них события, каковы границы будущего [51; 52]. В-третьих, *связность временной перспективы*: насколько тесно связаны в сознании человека прошлое, настоящее и будущее, насколько многочисленны лакуны памяти, насколько отчетливо представляются переходы от одной цели к другой и т.д. [51, pp. 87-91; 52]. В-четвертых, *временная ориентация* индивидуального или группового сознания - значимость прошлого, настоящего, будущего в мыслях и поступках [49; 53-56]. Она определяется связью смыслов (приписываемых предметам жизненно важных значений) с модусом времени, - связью, которая является и аффективной (в переживаниях), и когнитивной (в представлениях). В-пятых, *представления о природе времени*: линия, круг, спираль и т.д., равномерно оно или нет; зависит ли его восприятие от культуры, эмоционального состояния и пр.; конечно оно или бесконечно и т.д. Сюда относится экономичность представлений о времени: склонность рассматривать время как экономический ресурс, стоимость которого измерима в деньгах, или как дар свыше, неизмеримый денежным эквивалентом.

Наконец, *поведенческие* компоненты отношения к времени - особенности структурирования времени, управления последовательностью и длительностью своих действий. Сюда относятся: пассивность или активность в отношении социального времени, т.е. уверенность в том, что оно управляемо; оценка успеха в управлении временем, степень контроля за личным временем, пунктуальность; гибкость в отношении распорядка, планирование и распределение времени в строгой последовательности или отсутствие "графика", выполнение одновременно нескольких дел, "покупка времени" за счет времясберегающих услуг, или "сбережение времени" за счет отказа от времяемкого потребления.

Третий элемент субъективного времени группы - *представления о длительности, последовательности, темпе и ритме объективных природных и социальных процессов*, разворачивающихся на уровне личностного взаимодействия, внутри группы, в межгрупповом взаимодействии и на уровне общества. В коммуникации и совместной деятельности они служат точками отсчета индивидуальных временных перспектив, ориентирами координации действий. Примерами могут служить прогноз погоды, ожидаемая длительность реконструкции предприятия или экономического спада, представление о скорости перемен в общественной жизни. Они носят оценочный характер, но не являются нормами и могут не совпадать у разных членов социальной группы.

Четвертый элемент - *нормы отношения к времени, формальные и неформальные биографические и процедурные нормы*. Они регулируют распоряжение временем, его

переживание и осмысление, последовательность, длительность, темп и ритм действий при осуществлении деятельности. Во-первых, это нормы "общепринятого" отношения к времени (в протестантской культуре это ориентация на будущее), требования пунктуальности, ценность времени как ресурса, долговременного планирования. Групповые нормы отношения к времени проявляются при сравнении поведения сельских жителей и горожан, типов организационных культур, например, бюрократической и предпринимательской. Во-вторых, это нормативные биографические и карьерные траектории, процедурные графики и регламенты трудовой деятельности и досуга: договорной максимум длительности выполнения работ или отпуска, расписание поездов и т.д. Эти представления имеют дескриптивный и прескриптивный характер, служат правилами взаимодействия и обеспечены санкциями. Являясь формой поддержания групповых границ, социально-временные нормы связаны с представлением о различных временных характеристиках своей и других групп.

Наконец, элемент субъективного времени группы - это *представления "Я (Мы) во времени" и "Другой (Они) во времени"*. Они формируются в ходе социальной категоризации, социальной идентификации и социального сравнения: 1. Мы соотносим себя с другими *с точки зрения включенности во временную структуру объективных социальных процессов и явлений*. В ситуации неопределенности, когда экономические, социальные и политические условия нестабильны, рельефность для восприятия приобретают характеристики группы, которые можно назвать динамическими или социально-временными: скорость и направление изменения экономического положения и общественной роли группы, категоризация группы по временным характеристикам (представление о ней как о "передовой", "традиционной" или "тормозящей реформы"), темп жизни типичного представителя данной группы, его вероятный жизненный путь (биографическая траектория), степень социальной мобильности и т.п. Представление об этих особенностях, даже искаженное, позволяет увереннее ориентироваться в действительности. Образ "Другого" как совокупности заданных личностных черт и социальных ролей менее адекватен, чем представление об индивидах и группах, постоянно движущихся в социальном пространстве. 2. *Представление об особенностях отношения группы ко времени*: тип временной ориентации, ценность времени, темп жизни, оценка своей эффективности в управлении временем в сравнении с эффективностью других и т.д. Эти Я-образы, авто- и гетеростереотипы содержат когнитивный, аффективно-оценочный и поведенческий элементы. Например, стереотипное представление об аппарате, оценка качеств "типичного бюрократа" служат основой гипотез о взаимодействии с госслужащим - формировать установку на ускорение его действий, на сокращение продолжительности общения с ним.

Понимание структуры субъективного времени группы важно сегодня, когда трансформации в обществе выдвинули задачу изучения того, как изменение социальной стратификации воспринимается людьми из разных социальных групп. Результаты исследований позволяют утверждать, что скорость, ритм и темп социального изменения неодинаковы в разных областях социальной жизни и в субъективных оценках групп населения. Отношение групп к социальным изменениям связано с их отношением к времени. Однако субъективное время групп изучается фрагментарно: большинство исследований посвящены объективной структуре жизнедеятельности групп (бюджеты времени), представлениям о социальных процессах с точки зрения их прошлого и будущего (историческая память, социальная ностальгия, и др.), некоторым элементам отношения к времени. Включение в круг исследований регуляции отношения к времени и его использованию, групповых стереотипов "Мы (Они) во времени" позволит углубить понимание того, как групповое сознание от воспринимаемых отдельных точек в социальном пространстве переходит в линии, как из траекторий и векторов оно строит плоскости. Это позволит точнее предсказывать динамику отношения к переменам в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубин Б. Прошлое в сегодняшних оценках россиян // Экон. и социальные перемены, 1996. №5. С. 28-34.
2. Дубин Б. Конец века // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2001. №1(15). С. 27-36.
3. Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социол. исслед. 2001. № 8. С. 31-34.
4. Наумова Н.Ф. Время человека // Социол. журнал. 1997. № 3. С. 159-176.
5. Наумова Н.Ф., Пригожий А.И., Горяинов В.П. Связь субъективного времени и социальных характеристик респондентов // Российское общество: социол. перспективы. М., 2000. С.321-342.
6. Попова ИМ. Представления о настоящем, прошлом и будущем как переживание социального времени // Социол. исслед. 1999. № 10. С. 135-145.
7. Sorokin P.A., Merton R.K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // Amer. J. of Sociology, 1937. P. 615-629.
8. Gurvitch G. The Spectrum of Social Time. Dordrecht, 1964. P. 27, 30.
9. Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. L., 1915. P. 9-11.
10. Mead G.H. The Philosophy of the Present Ed. by A. Murphy. Chicago, 1980.
11. Mead G.M. The Objective Reality of Perspectives / G.H. Mead on Social Psychology. Selected Papers. Ed. by A. Strauss. Chicago, 1965.
12. Mead G.M. Time / G.H. Mead on Social Psychology. Selected Papers. Ed. by A. Strauss.
13. Schutz A., Luchmann T. Strukturen der Lebenswelt. Darmstadt, 1975.
14. Савельева ИМ., Полетаев АМ. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
15. Зиммель Г. Проблема исторического времени // Г. Зиммель. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996.
16. Schutz A. Der sinnhafte Aufbau der Sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. 5 Aufl. Frankfurt am Main, 1991.
17. Luckmann T. The Constitution of Human Life in Time / Chronotypes. J. Bender and D.E. Weflherly (Eds.). Stanford, 1991. P. 151-166.
18. Halbwachs M. Les Cadres sociaux de la memoire. P., 1925. P. 380.
19. Merton R.K. Socially Expected Durations: a case study of concept formation in sociology // Conflict and Consensus: A Festschrift for Lewis Coser. W.W. Powell, R. Robbins (eds.). N.Y., 1984. P. 262-283.
20. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 78-79.
21. Lewis J.D., Weigart A.J. The Structures and Meanings of Social Time / Sociology of Time. L., 1990. P. 77-101.
22. Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la theorie de Faction. P., 1994. P. 84 и сл.
23. Hareven T.K. Synchronizing Individual Time, Family Time and Historical Time / Chronotypes. P. 167-182.
24. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997. С. 78-95, 83.
25. Szamosi C. The Schort Life of Metric Time / Time, Action and Cognition. F. Macar et al. (eds.). Kluwer Academic Publishers, 1992. P. 361-369.
26. Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социол. исслед. 2002, № 7. С. 61-67.
27. Segre S. A Weberian Theory of Time // Time and Society, 2000, Vol. 9(2/3). P. 147-170.
28. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999, С. 218-222.
29. Bourdieu P. Meditations Pascaliennes. P., 1997. P. 271-273.
30. Гуревич А.Я. Время как проблема истории культуры // Вопр. философии. 1969. № 3.
31. Castoriadis C.L. L'institution imaginaire de la societe. P., 1975. С. 285-287.
32. Bruneau T. Chronemics: The Study of Time in Human Interaction / The Nonverbal Communication Reader. De Vito J.A., Heck M.L. (eds.). Prospect Heights, IL, 1990. P. 301-311.
33. Walther J., Tidwell L. Nonverbal Cues in Computer-mediated Communication, and the Effect of Chronemics on Relational Communication // Journal of Organizational Computing 1995 № 5 P. 335-378.
34. McGrath J.E. Kelly J.M. Time and Human Interaction. Toward a Social Psychology of Time N.Y.-L., 1986. P. 83-88.

35. *McGrath J.E.*, Time, Interaction and Performance (TIP): A Theory of Groups // *Small Group Research*, 1991, 22(2). P. 147-174.
36. *Reichenbach H.* Elements of Symblolic Logic. N.Y., 1947. P. 289.
37. *Бондарко А.В.* Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 7-8.
38. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. С. 84.
39. *Munn N.* The Cultural Anthropology of Time: Critical Essays // *Annual Review of Anthropology*. 1992. Vol. 21.
40. *Verschueren J.* Understanding Pragmatics, L.; N.Y. e.a., 1999. P. 95-97.
41. *Gergen K.J.* Self-Narration in Social Life / *K.J. Gergen*. Realities and Relationships. Soundings in Social Construction. Cambridge-L., 1997. P. 185-209, 193-199.
42. *Успенский Б.А.* История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема. Статья 1 // Труды по знаковым системам. XXI L Вып. 831. Тарту, 1988. С. 73-74.
43. *Barth F.* Cosmologies in the Making: A Generative Approach to Cultural Variation in New Guinea. Cambridge, 1987.
44. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 2000. С. 196.
45. *Белинская Е.Л.* Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии, 1999, № 3(19), сс. 140-147, с. 141.
46. *Fischer W.* Sociale Konstitution von Zeit in biographischen Texten und Kontexten // *Zeitbegriffe*. Hrsg. von G. Heimemann. Munchen, 1986. SS. 355-377.
47. *Голюваха Е.И., Кроник А.Л.* Психологическое время личности. Киев, 1984. С. 30-33.66-67.
48. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб., 2001.
49. *Бекасов О.Б.* Анализ событийной структуры жизненного пути личности // Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. С. 169-179.
50. *Cottle T.J.* Perceiving Time. A Psychological Investigation with Men and Women. N.Y., 1976.
51. *Березина Т.Н.* Жизненный путь личности; осознаваемые и неосознаваемые аспекты / Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 313-322.
52. *Jones J.M.* Cultural difference in temporal perspectives / *The Social Psychology of Time: New Perspectives*. J. McGrath (Ed.). Newbury Park, 1988. P. 21-38.
53. *Nut tin J.* Motivation et Perspectives d'avenir. Louvain, 1980.
54. Psychology of Future Orientation. *Zaleski Z.* (Ed.) Lublin. 1994.
55. *Jones J.M., Banicky I., Pomare M.M., Lasanc T.P.* A Temporal Orientation Scale: Focusing Attention on the Past, Present and Future. University of Delaware, 1999.